

Х. С. Саркисян

Художественное слово „Правды“ в дни отечественной войны

I.

Всякое слово, запечатляющееся в сознании, кроет в себе элементы художественности. Художественность присуща слову с самого момента его зарождения. Художественность слова зародилась вместе с ним самим. Разве не художественно спокойное повествование летописца, без мудрствования и лукавства, как охарактеризовал его поэт? И разве тот же поэт, великий Пушкин, не перенял этого божественного спокойствия у летописца и не воплотил его в своих творениях? Конечно, перенял, конечно, воплотил. Пример—все страницы его историко-художественной прозы.

В дни народного гнева слово звучит особенно грозно, особенно веско. Разве „Война и Мир“ Толстого не является претворившимся в великое художественное произведение эхом этого гневного народного слова 12-го года, эхом, которое перекатилось через миллионы сердец из поколения в поколение?

В наши дни, в дни Великой отечественной войны значение слова еще грознее, еще ответственнее. Слово, художественное слово—это оружие наряду с другими оружием. Слово—это граната, пулемет, винтовка. Как зеницу ока, боец бережет свою винтовку,—совершенно так же ревнивы мы в отношении строгости и чистоты художественного слова. Ничто так не воодушевляет бойца в бою, как мощный рев своей батареи,—ничто так не воодушевляет того же бойца, как задушевное слово о красавице своей—отчизне. Слово строчит пулеметом, взрывается гранатой, его огненные брызги, подобно брызгам гранаты, уничтожают врага.

Не надо думать, будто художественное слово является исключительным достоянием поэтов, писателей, очеркистов. Ничуть! Возьмите любую страницу любого номера „Правды“, „Известий“,—вы там найдете десятки примеров художественности, которая принадлежит отнюдь не профессионалам. Тонкая ирония подчас звучит в заявлениях ТАСС,—казалось бы, какое место художественности в официальных представлениях советского правительства? Сарказма и мастерства словесного искусства полны выступления т. Лозовского на

пресс-конференциях иностранных корреспондентов. Сколько любви к родине, сколько ненависти к врагу, сколько страсти—переведенной на язык слов—в радиоперекличках городов России, в простых, кратких, непретенциозных военных корреспонденциях, в воззваниях, лозунгах и письмах советских людей, хотя бы в знаменитом письме гарнизона полуострова Ханко москвичам:—„Каждый день мы жадно слушаем по радио родную речь, родной голос любимой Москвы, пробивающийся сквозь визг финских и немецких радиостанций,—пишут ханковцы. —„Говорит Москва!“—доносит до нас эфир, и в холодном окопе нам становится теплее. Светлеет темная ночь над нами. Мы забываем про дождь и непогоду. Родина обогревает нас материнским теплом. Крепче сжимает винтовку рука, еще ярче вспыхивает огонь ненависти к фашизму, огонь решимости победить или умереть“¹. Стойкость, продуманная уверенность в правоте своего дела, избыток переживаний, безграничное богатство эмоций—вот что пламенеет в этих замечательных документах. Эту художественность слова передовица „Правды“ от 11 марта 1942 г. (№ 70) в отношении устной речи назвала „живым словом“, словом, которое включает в себе „все богатство народной речи, ее образность, меткость характеристики, сатирическую шутку“, которому свойственно искусство „выразительного, красочного языка“.

2.

В своем историческом докладе 6-го ноября 1941 года товарищ Сталин говорит:— „Не может быть сомнения, что идея защиты своего отечества, во имя чего и воюют наши люди, должна породить и действительно порождает в нашей Армии героев, цементирующих Красную Армию, тогда как идея захвата и ограбления чужой страны, во имя чего собственно и ведут войну немцы, должна породить и действительно порождает в немецкой армии профессиональных грабителей, лишенных каких-либо моральных устоев и разлагающих немецкую армию“².

Эта фраза товарища Сталина, которая уже в момент ее произношения сделалась достоянием миллионов, имеет ли эта фраза какие-либо художественные достоинства, производит ли она художественное впечатление? Несомненно, имеет художественные достоинства, несомненно, производит художественное впечатление. В чем же эти достоинства?

Вся фраза товарища Сталина делится на две части: в первой части характеризуется Красная Армия, во второй части—фашистская армия. Эти части единой фразы в своем поступательном развертыва-

¹ „Героическим защитникам Москвы от защитников полуострова Ханко“. „Правда“, 2.XI. 1941 г., № 304.

² Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны товарища И. В. Сталина.—Ереван, 1942 г., стр. 35.

нии выявляют ряд совпадений—синтаксических и даже словесных. Вот эти совпадения:

Первая часть фразы начинается словами: „...идея защиты своего отечества...“

Вторая часть начинается словами: „... идея захвата и ограбления чужой страны...“

Продолжение первой части: „... во имя чего и воюют наши части...“

Продолжение второй части: „... во имя чего собственно и ведут войну немцы...“

Завершение первой части: „... должна породить и действительно порождает в нашей Армии героев, цементирующих Красную Армию...“

Завершение второй части: „... должна породить и действительно порождает в немецкой армии профессиональных грабителей, лишенных каких-либо моральных устоев и разлагающих немецкую армию...“

Совпадая синтаксически и даже словесно, иными словами формально, каково взаимоотношение этих двух частей в отношении содержания? Ответ, конечно, ясен: эти части в отношении содержания взаимно исключают друг друга, они относятся друг к другу, как положительное к отрицательному, положительное в отношении характеристики Красной Армии, каковая характеристика завершается словом „цементирующий“, и отрицательное в отношении характеристики немецкой армии, каковая характеристика завершается словом „разлагающий“. Мы имеем дело с совпадением по форме и с полнейшим расхождением по существу, расхождением, которое доходит до противоположности, ибо понятие „цементирование“ противоположно понятию „разложение“, ибо доблестная Красная Армия идейно и морально абсолютно противоположна гнусной фашистской армии. Вот это синтаксическое, отчасти словесно-структурное тождество частей единого высказывания, с одной стороны, и их идейная противоположность, их противоположность с точки зрения содержания по существу—с другой,—вот этим именно восприятие глубокой мысли товарища Сталина претворяется также в глубокое эстетическое переживание.

Но, может быть, отмеченный факт—случайное, единичное явление в докладе товарища Сталина? Продолжим чтение дальше.

„... Продвигаясь в глубь нашей страны,—говорит товарищ Сталин,—немецкая армия отдалается от своего немецкого тыла, вынуждена орудовать во враждебной среде, вынуждена создавать новый тыл в чужой стране, разрушаемый к тому же нашими партизанами, что в корне дезорганизует снабжение немецкой армии, заставляет ее бояться своего тыла и убивает в ней веру в прочность своего положения, тогда как наша Армия действует в своей родной среде, пользуется непрерывной поддержкой своего тыла, имеет обеспеченное снабжение людьми, боеприпасами, продовольствием и прочно верит в свой тыл“¹.

¹ Доклад Предс. Гос. Комитета Обороны И. В. Сталина, стр. 35—36.

Совершенно тот же самый прием: те же две части единой фразы, то же синтаксически-словесное тожество этих частей при идейном противопоставлении их, тот же художественный эффект.

Продолжим чтение. „Вот почему,—говорит товарищ Сталин,—наша Армия оказалась сильнее, чем предполагали немцы, а немецкая армия слабее, чем можно было бы предположить, судя по хвастливым рекламным немецких захватчиков“¹.

Еще более разительный, еще более яркий пример тождественности приема и его эффективности.

Но, может быть, все сказанное свойственно лишь данному докладу товарища Сталина, а в других его произведениях ничего подобного не замечаем? Чтобы рассеять и это сомнение, мы приведем лишь один пример, пример из гениального февральского приказа товарища Сталина.

„Ни один немецкий солдат,—говорит товарищ Сталин,—не может сказать, что он ведет справедливую войну, ибо он не может не видеть, что его заставляют воевать за ограбление и угнетение других народов. У немецкого солдата нет возвышенной и благородной цели войны, которая могла бы его вдохновлять и чем он мог бы гордиться. И, наоборот, любой боец Красной Армии может с гордостью сказать, что он ведет войну справедливую, освободительную, войну за свободу и независимость своего отечества. У Красной Армии есть своя благородная и возвышенная цель войны, вдохновляющая ее на подвиги“².

Чтобы окончательно выяснить себе сущность художественных достоинств слов товарища Сталина, приведем еще один, последний пример.

„Немецкие захватчики,—говорит товарищ Сталин в том же знаменитом, своем докладе от 6-го ноября 1941 года,—хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получают“³.

Эти слова товарища Сталина вызвали взрыв аплодисментов. Оно и понятно: максимально сжато, четко и даже—если хотите—скупое, облекая в сгущенно-художественную форму словесного тождества и противопоставления по смыслу, товарищ Сталин в этих словах дает полную программу действий против вторгнувшихся в нашу священную землю фашистских орд. Товарищ Сталин бьет врага его же оружием. Истребительная война, грозящая нам, следовательно со знаком минус, направляется против врага и со знаком плюс обрушивается на него. Так красноармеец, захватив на поле брани вражеское оружие, поворачивает дуло его на 180° и начинает бить им его же хозяина, ненавистного врага.

¹ Доклад Предс. Гос. Комитета Оборона И. В. Сталина, стр. 36.

² „Правда“, 23, II. 1942 г., № 54.

³ Доклад Предс. Гос. Комитета Оборона И. В. Сталина, стр. 48.

3.

Мысль товарища Сталина ясна, математически точна, геометрически осязательна. Она—как ясное солнечное утро, когда отчетливо виден каждый куст, каждый изгиб горной цепи, когда горизонт виден далеко, далеко, во все четыре стороны. Предельная ясность слов товарища Сталина, их точный распорядок, их гениальная диспозиция, строгость и закономерность их расположения—все это именно и создает эстетическое впечатление. Недаром слово „космос“ по-гречески означает не только мир, но также красоту и порядок.

Мысль товарища Сталина столь ощутительно ясна, столь пластична, что невольно просится на мрамор алгебраической формулы. Возьмем, напр., слова товарища Сталина о влиянии момента внезапности и постоянно действующих факторов на ход войны, на успех немецкой армии и Красной Армии. При нарастании времени катастрофически убывает эффективность момента внезапности и, следовательно, их произведение, произведение времени на внезапность, т. е. успех немецкой армии, также убывает, приближаясь к нулю. И, наоборот, при том же нарастании времени, все более и более эффективными оказываются постоянно действующие факторы и, следовательно, их произведение, произведение времени на констанс постоянно действующих факторов, т. е. успех Красной Армии, начинает выражаться в поступательно увеличивающемся количестве положительных единиц. Такова нисходящая кривая немецкой армии и восходящая кривая Красной Армии. Безупречная ясность мысли товарища Сталина дает возможность выражать ее и алгебраическими символами и геометрическими линиями.

Подобно математической фразе, анализ каждой фразы, каждой мысли товарища Сталина раскрывает целый мир подобий, поразительных соответствий, гармонических соединений. От этих подобий и соответствий именно то ощущение ритма, то ощущение художественности, которое так свойственно всем произведениям товарища Сталина.

Многие великие мыслители и поэты жаловались на то, что им подчас не удается найти слов, эквивалентных их мыслям и переживаниям. И на самом деле: человек создал много произведений, гениальность которых явно ощущается, но в них же нередко ощущается еще какая-то недосказанность. Эта недосказанность абсолютно отсутствует у товарища Сталина. Немоги слова у него нет. У него полнейшая эквивалентность между словом и мыслью. Сущность слова использована им до конца, его магические свойства исчерпаны у него до дна. У товарища Сталина слово покрывает собою мысль, а мысль—вещь. В этом—величайшая реалистичность мышления товарища Сталина.

Таковы художественные достоинства речей и докладов нашего вождя и учителя, именем которого красноармеец идет в штыковую

атаку, а рабочий, работая 24 часа в сутки, кует оружие для смертного боя с ненавистным врагом.

В словах товарища Сталина воплощены твердость советского человека, его непреклонная воля, его господство над веками, над историей. История дала много великих исторических деятелей, начиная от Перикла и кончая Дантоном и Робеспьером. Она дала много примеров гражданской доблести. Но та доблесть, которая присуща советскому человеку,—она не имеет precedентов в истории народов. Та безграничная широта кругозора, которую проявляют великие советские государственные деятели—Ленин и Сталин, впервые осуществляется в практике человечества. Оно и понятно: Советское государство вооружено великим учением Маркса и Ленина, учением, которое подобно рентгеновым лучам, освещает скрытые пружины общественной жизни и дает возможность господствовать над этой жизнью, над событиями, над историей.

Последний, ярчайший пример этого господства—подготовка в недрах отступления Красной Армии в первые месяцы войны предпосылок для ее решительного наступления зимою, чудесное претворение движения на Восток в свою противоположность—в сокрушительное движение на Запад.

Все полно этого движения на Запад—и жизнь и смерть советского человека.

В очерке Я. Цветова „В атаку“¹ так описывается смерть красноармейца: „не добежав до деревни пятидесяти метров, сраженный, падает в сугроб белокурый и коренастый боец. Он падает с протянутой рукой, зажав автомат, и даже мертвая его фигура выражает стремление“, стремление на Запад.

В другом очерке, в замечательном очерке П. Никитина „Атака“² описываются последние минуты героя-командира: „Лейтенант Черняцкий истреблял из засады автоматчиков. Разорвалась мина. 12 осколков впились в тело командира. Но у Черняцкого хватило сил задушить бросившегося на него фашиста. —Он придавил врага телом к земле и замер“. В таком виде и нашли его сестры—Ольга, Мария и Евдокия, помогавшие бойцам. „Лейтенант открыл глаза и просит: Поверните меня головой на запад. Я хочу смотреть вперед.“

Исполнили его предсмертное желание сестры. Они затуманенными от слез глазами вместе с лейтенантом смотрели на гребень высоты, где шел бой. Над ними взвилась красная ракета. Это был сигнал, что высота нашими взята. Улыбнулся лейтенант, попросил расстегнуть шинель и откинулся навзничь. Он вздохнул, закрыл глаза и вытянулся“.

Поэт Степан Щипачев, который за время Отечественной войны написал ряд превосходных стихов, говорит в стихотворении „О весне“:

¹ „Правда“, 22. III. 1942 г., № 81.

² „Известия“, 17. III. 1942 г., № 66.

³ „Правда“, 17. II. 1942 г., № 58.

Пусть все сильней фронты гремят, сверкают
Над снежной мартовской голубизной,
Смешно подумать! Нас враги пугают,
Пугают нашей русскою весной.

А нам вдыхать ее простор и запах,
Ловить глазами солнечную нить.
У солнца путь и путь у нас—на Запад,
И этого пути не изменить.

Рассказывают, что в Москве, в Союзе писателей спорили о том, каковым должно быть направление советской литературы наших дней, дней отечественной войны—романтическое ли, реалистическое или еще какое-либо иное, и когда обратились к Илье Эренбургу, он сказал:

—Советская литература эпохи отечественной войны должна иметь одно направление—направление на Запад.

Таков советский человек—воспитанник величайшего из учителей человечества, товарища Сталина.

4.

В своей статье о седьмой симфонии Шостаковича Алексей Толстой пишет: „Красная Армия создала грозную симфонию мировой победы. Шостакович прильнул ухом к сердцу Родины и сыграл песнь торжества“¹.

Слова Толстого о Шостаковиче полностью применимы к нему самому. Толстой также „прильнул ухом к сердцу Родины“, и в его писаниях мы слышим биение ее пульса—то учащенное, то спокойное, но всегда напряженное.

В те дни, когда враг приближался к сердцу нашей родины, к Москве, когда фанфары того гигантского боевого лагеря, который называется СССР,—передовые „Правды“, оповещая о наступлении дня, давали единственный пункт программы этого дня—„Отпор врагу!“ „Разгром фашистских полчищ под Москвой!“—когда Москва, красавица Москва, пронесшая „свою бессмертную славу через столетия“, воспевалась в этих передовых², а советский воин призывался не отпускать штурвала, не отрывать рук от пушек и пулеметов³,—в эти знаменательные октябрьские дни на страницах „Правды“ появилась статья Алексея Толстого—„Москве угрожает враг“⁴, начинающаяся теми словами, которыми кончается передовая „Правды“ от 22 ноября:—Ни шагу назад! Ни шагу дальше!

¹ „Правда“, 3. XI. 1941 г., передовая „За Москву, за Родину“.

² А. Толстой—„На репетиции седьмой симфонии Шостаковича“, „Правда“. 16 II. 1942 г., № 47.

³ „Правда“, 23. X. 1941 г., передовая—„Сталинские летчики, громите врага в воздухе и на земле!“.

⁴ „Правда“, 18. X. 1941 г.

Лютой ненавистью дышит статья Толстого. „Зубами перегрызть хрящ вражеского горла,—только так!“—говорит он, и в этих словах слышен омерзительный хруст ломающихся под тяжестью советского танка суставов гитлеровца. Вот где натурализм оправдывает себя!

Беспредельной любовью к родине полна она вся, статья Толстого, восхищением перед ее подвигом, молитвенной настроенностью при созерцании ее мук: „Родина моя,—говорит Толстой,—тебе выпало трудное испытание, но ты выйдешь из него с победой, потому что ты сильна, ты молода, ты добра, добро и красоту ты несешь в своем сердце. Ты вся в надеждах в светлое будущее, его ты строишь своими большими руками, за него умирают твои лучшие сыны“. Как замечательно сказано—ты строишь будущее своими большими руками! Именно большими руками, мужицкими, рабоче-крестьянскими руками, которые создали и создают самую тонкую и человечную культуру, советскую культуру.

Нежная любовь к родине, осознание ее великого значения в истории человечества, с одной стороны, с другой—ярость и гнев в отношении тех, кои грязными своими руками попрали святыни этой родины, ее язык, ее гениев,—исторгли из сердца Толстого слова столь напряженные, сколь напряжено все существо красноармейца, готовящегося к смертельному прыжку на врага. „Черная тень легла на нашу землю,—говорит он.—Вот поняли теперь: что жизнь, на что она мне, когда нет моей родины. По-немецки мне говорить..? Видеть, как Пушкин полетит в костер под циническую ругань белобрысой немецкой сволочи, и пьяный немецкий офицер будет мочиться на гранитный камень, с которого сорван и разбит бронзовый Петр, указавший России просторы беспредельного мира? Нет, лучше смерть! Нет, лучше смерть в бою! Нет, только победа и жизнь!“.

Не смерть!—говорит Толстой.—И даже не смерть в бою. А только победа, только жизнь. Ибо смерть в честном бою—это и есть победа, смерть за родину—это и есть жизнь! „Ни шагу назад!—призывает Толстой.—Ураганом бомб, огненным ураганом артиллерии, лезвиями штыков и яростью гнева разгромить германские полчища!“

Это—призыв всего русского народа, устами Толстого говорит его тысячелетняя история.

В то время, как враг был на самом деле разгромлен и отогнан из-под стен Москвы, в это время в осажденном Ленинграде Шостакович написал свою седьмую симфонию.

Имел ли он на это право? Имел ли право Шостакович, в те минуты, когда на расстоянии нескольких километров от него красный воин шел на подвиг и смерть, имел ли он право, оставив в стороне винтовку, окунуться в волшебный мир звуков? Шостакович не только имел право, он был обязан, это был его долг, ибо в отечественной войне, как никогда, раскрывается глубокий смысл человека, его беспредельная красота, величие его духа, и долг каждого—участвовать

в этом священнодействии, в этом полном раскрытии смысла, сущности человека. Шостакович совершил это вдохновенной музыкальной фразой. Честь и хвала ему!

Алексей Толстой был одним из первых, кто откликнулся на симфонию Шостаковича. Легенда рассказывает, что огненный меч Давида Сасунского, рассекая врага, остриём своим дошел до подземных потоков, и не будь крыла ангела подземные воды потопили бы землю. Вот от этих вод, от этих могучих подземных источников и берет свое начало статья Толстого „На репетиции седьмой симфонии Шостаковича“, вышедшая в „Правде“.¹

Статья Толстого—это сплошная интуиция, откровение, непосредственное чувство. Толстой как бы осязает симфонию Шостаковича и находит в ней сосредоточенными тысячи духовных сокровищ отечественной войны.

„Седьмая симфония возникла из совести русского народа, принявшего без колебания смертный бой с черными силами“,—говорит Толстой. „Национален в симфонии сам Шостакович,—продолжает он несколько дальше,—национальна его русская рассвирепевшая совесть, обрушившая седьмое небо симфонии на головы разрушителей“.

Итак, на голову врага можно обрушиться не только бомбой, но и „седьмым небом симфонии“. Вот в какую замечательную образную формулировку выливается закон отражения в статье Толстого! Давид Ойстрах говорит то же самое другими словами: „Ничто и никогда в симфонии Шостаковича не говорит о войне простейшими средствами, вполне возможными при разнообразии звучаний современного оркестра; ничто в этой музыке не изображает непосредственно рокот самолета, свист пуль, разрыв снаряда. Но это—война... Это—война, ибо это те чувства, которые переживает душа человека в дни войны“². Итак, отражать войну—это не означает повторять ее, имитировать рокот самолета или свист пуль. Отражать войну,—в частности в музыке,—это означает осмыслить ее, осознать ее сущность средствами звуковой гармонии.

Отражая отечественную войну, Шостакович в седьмой симфонии воплотил,—говорит Толстой,—в первую очередь совесть, чуткую совесть русского народа. Он показал, что как ни торжествовала ослиная кожа, натянутая на барабаны и литавры, это торжество недолговечно, что человеческие голоса фаготов могущественнее их грохота. Он показал, как сердце, простое человеческое сердце, своим отчаянным биением помогает торжеству гармонии в симфонии, а тем самым—торжеству справедливости в том великом борении против темных сил, которое приняли мы на себя. Он показал нам наше огромное, „немыслимое напряжение“, нашу неукротимую волю к победе, голубое будущее, которое видно даже сквозь кровь и огонь сражений.

¹ „Правда“, 16, II, 1942 г., № 47.

² Проф. Д. Ойстрах—„Симфония великой борьбы“, „Известия“, 29. III. 1942 г., № 74.

Он показал,—нет, неправильно!—он доказал, неопровержимо доказал, что Гитлер не человек, а некое ничтожество, бездарное и бесплодное, некая новая недотыкомка, некий одетый в железо крысолов... Как это созвучно словам товарища Сталина, что „Гитлер походит на Наполеона не больше, чем котенок на льва“.

В седьмой симфонии Шостакович дал сущность, философию отечественной войны. Эту философию Толстой перевел на язык образов и понятий. Вот этот перевод: „на угрозу фашизма обесчеловечить человека“—отечественная война ответила осуществлением „торжества человеческого в человеке“.

Прошли недели. Замерли последние аккорды седьмой симфонии в Большом театре СССР в Куйбышеве. Настала весна. Гитлер замышляет новое наступление. И подобно полководцу Алексей Толстой в своей статье „Славяне, к оружию!“¹ производит генеральный смотр всем своим войсковым соединениям, всем резервам, всем гигантским кузницам, производящим смертоносное оружие против врага. Перед его умственным взором проходят „наша кавалерия, в мохнатых бурках, в башлыках, развевающихся за плечами“, наша пехота, которая „идет на Запад, жмет, давит, прогрызает немецкую оборону“, наши летчики, которых „гонит в бой русская удаля и смелый расчет—всегда нападать, всегда вырывать инициативу у противника“. Силою своей страсти Алексей Толстой перевоплощается в красноармейца, который вонзает до самого ствола свой штык в сердце ненавистного врага, перевоплощается в партизана, „у кого сердце от ненависти стало горящим углем“. Толстой—поэт, проникновенным своим словом ведущий в бой бойца, мыслитель, мечтающий о будущем, о „голубых городах высшего устройства“, полководец, которым руководит холодный расчет и безграничная уверенность в стойкости своих полков. Одним словом—он гражданин СССР.

Ни один русский поэт или писатель не довел своего публицистического слова до тех высот, до которых довел его Максим Горький. В дни отечественной войны огненные слова Алексея Толстого легли на боевой курс слов великого пролетарского писателя.

5.

За десять месяцев Отечественной войны на страницах „Правды“ появились десятки, сотни корреспонденций, очерков, новелл, рассказов и стихов, посвященных ей. Напряжение мысли, воли и чувств, характерное для всей нашей необъятной родины, показало себя также и в области литературы. Все наши старые писатели творчески переживали войну и отражали ее в своих произведениях. Появился новый кадр корреспондентов, очеркистов, писателей. Основная их тематика—любовь к родине и героизм советского человека, но эта тема

¹ „Правда“. 4. IV. 1942 г., № 94.

рассыпается на тысячи подтем, на великое множество мотивов. Одним из бросающихся в глаза мотивов художественного слова Отечественной войны—это фиксация несоответствия между внешним, невзрачным обликом человека и величием его души.

Перед нами рассказ Елены Кононенко „Илья Кузин“.¹ „Мальчик Илья Кузин любил ловить птиц. Однажды случилась беда: он упал с крыши и повредил ногу. Это оставило в сердце ссадину... Илья Кузин... порой тайком роптал на природу, которая создала его таким маленьким, приземистым, с таким веселым вздернутым носом... Он жаждал подвигов, и, как всем мальчикам, ему казалось, что героем легче всего стать человеку высокого роста, с могучими плечами, с зычным голосом и с красивым орлиным профилем“.

Пришла война и „снова разбередила ссадину в его сердце“. Два его брата ушли на фронт, а он был освобожден от воинского долга. Илья возненавидел свою ногу, возненавидел врачей, которые признали его негодным.

Но случилось так, что комсомол посылал лучших своих сынов на помощь партизанским отрядам. Илья взмолился—и попал в партизаны.

Вот тут-то началась подлинная жизнь Ильи, жизнь, полная смелости, отваги, героизма.

Он был под Смоленском, под Москвой. „Крепко насолил немецким извергам Илья Кузин на подступах к Москве,—пишет Кононенко. —Одно описание всех его подвигов заняло бы целую газету. Партизаны говорили о Кузиче так: „бесстрашный“, „неуловимый“, „гроза волоколамских лесов“, „под ним земля горит“. Там, где появлялся Илья, действительно горела земля: взлетали в воздух склады, вспыхивали бочки с бензином, кувырок летели под откос машины“. Имя Ильи стало легендарным. О нем говорили все: красноармейцы, партизаны, женщины, дети... „Вот человек, которого можно считать настоящим героем... В нем—дух орла! А на вид такой невзрачный парнишка...“—так высказался о нем комиссар.

Такой же невзрачный вид и у героини новеллы С. Сергеева-Ценского „Хитрая девчонка“, Зины. Когда Зина в начале войны просилась на фронт, в военкомате ей ответили: „Ну, вы—такая маленькая,—куда уж вам на фронт!“ А когда ей удалось сделаться санитаркой, „она казалась в шинели мальчиком, питомцем роты“. Но этот мальчик, питомец роты, эта маленькая девочка оказалась настоящей героиней. Ловкость, проворность, хитрость и смелость при исполнении своих обязанностей; безграничная смелость при спасении раненого бойца; спокойствие при смертельной опасности—вот те качества, которые выявила Зина в бою. Маленькая девочка с хрупкими плечами оказалась человеком с великой душой.

Особенно поразительно это несоответствие, когда оно исходит

¹ „Правда“, 17. II. 1942 г. № 48.

уже не от невзрачной внешности, а от поведения человека. Пришли в деревню немцы,—рассказывает Вадим Кожевников в очерке „Водовоз“¹—и старый водовоз колхоза, Кондратьич, стал им возить воду. Совестно Кондратьичу в глаза людям смотреть, но что делать? Откажешься—немцы убьют. Вся деревня перестала раскланиваться с Кондратьичем, жена и та назвала его немецким холуем и прогнала из дому. И задумал тогда Кондратьич великую месть немцам. Немцы к нему привыкли, не обращали на него внимания, считали его своим. Воспользовавшись этим, Кондратьич в один прекрасный день наполнил все дула немецких минометов водой, и, когда красный батальон пошел в атаку, ни один миномет не дал ни одного выстрела. Все они оледенели. Деревня была взята. Так Кондратьич смыл своим подвигом гнездившееся на дне его души темное пятнышко,—и она, душа его, стала светлой и торжественной.

Еще более яркий случай рассказывается в замечательном очерке Б. Полевого „Подвиг Матвея Кузьмина“². „Матвей Матвеевич Кузьмин слыл в деревне нелюдимым,—рассказывает Б. Полевой.—Жил он на отшибе, был угрюм, неразговорчив... Колхозники не то чтобы не любили, а как-то сторонились его... Когда немцы оккупировали деревню, немецкий комендант, которому какой-то предатель рассказал о нелюдимом старике, счел его подходящей фигурой, чтобы назначить сельским старостой“. Матвей Кузьмин отказался от этой должности, но когда ему предложили ночью провести батальон в тыл наших огневых позиций, посулив при этом в награду денег, муки и хорошее охотничье ружье,—старик, после некоторого колебания, согласился. Колхозники видели, как готовится к походу старый Матвей, и многие из них в душе проклинали старого нелюдима, пожалели, что во-время не выгнали его из колхоза.

Но что сделал Матвей Кузьмин? Измотав всю ночь немецкий батальон, к утру он остановил его перед нашими частями, заранее оповещенными о затее немцев. Пулемет начал беспощадно косить немцев. „Офицер бросился к старику. Матвей Матвеевич стоял на холмике с обнаженной головой... Ветер развеивал седые его волосы, а глаза его, сузившиеся, гневные, сверкая из-под дремучих бровей, насмешливо следили за тем, как бежали, утопая в снегу, падали, вскакивали и вновь падали немецкие лыжники“...

Офицер убил старого колхозника, Матвея Кузьмина, но весь вражеский батальон был уничтожен. Угрюмый, нелюдимый человек, казалось, с темной душой изменника, оказался подлинным патриотом, светлым человеком, который „дорого продал свою жизнь—за двести пятьдесят жизней немецких захватчиков“.

¹ „Правда“, 13. II. 1942 г., № 44.

² „Правда“, 26. II. 1942 г., № 57.

6.

Искание и открытие человека там, где, казалось, нельзя его найти,—вот пафос приведенных рассказов и новелл. Этого пафоса полно также творчество Николая Тихонова в дни Отечественной войны. В своих—уже знаменитых „Ленинградских рассказах“, вышедших на страницах „Правды“ под общим заголовком „Черты советского человека“,—Тихонов описывает неприглядность замаскированной ленинградской ночи, гнетущий вой снарядов, ад воздушной бомбардировки—и на этом фоне тьмы и хаоса разрушенных кварталов и улиц—человека, советского человека со светлой душой, человека, сотканного из самопожертвования, человека, любящего ближнего до самозабвения, человека, преданного себе подобному без остатка. Тьма ночи не только не исключает, но, наоборот, подчеркивает свет души, а хаос разрушения—гармонию и созидательную мощь сознания.

Зимняя вьюга, тьма, стрельба, пустынная улица, а там, за фонарем, прижавшись спиной к стене дома, у запертых наглухо ворот рождает женщина, рождает на снегу, в черную зимнюю ночь, освещенная вспышками рвущихся снарядов. Надо спасти рождающуюся жизнь, надо ее отнять у холода, мрака и пушек,—подумала Ирина, молодая девушка, сестра, дежурившая по приему рожениц. „Ее ухо больше не слышало выстрелов и разрывов. Она помогала женщине так, будто дело происходило в комнате, так, как это всегда... Она высоко подняла ребенка, как бы показывая его всему лежащему во мраке великому городу. Она несла его, прижав к своей груди, горячий всхлипывающий комок, накрыв его своей шубкой“. За нею шли санитар, роженица. „Вьюга бросала им в лицо пригоршни сухого снега. Где-то сыпались дождем стёкла после громового удара. Они шли, как победители ночи, холода, канонады. Если бы нужно, это шествие прошло бы через весь город и пронесло бы маленькую новую жизнь, маленького нового человека, явившегося в наш город в такой удивительный час“...

Новый человек оказался девочкой. В честь ее спасительницы она была названа ее матерью Ириной. Когда последняя узнала об этом, „отвернулась и заплакала, сама не зная—почему“. В рассказе „Новый человек“ Тихонов показал нам торжество человека в непроглядную ночь, торжество жизни в окружении смерти.

А вот вам другая девушка, героиня рассказа „Девушка“¹, Поля, разведчица противовоздушной обороны. „Никто быстрее ее не обнаруживал очага поражения, никто не умел так самозабвенно работать, так ухаживать за ранеными, так проводить целые ночи среди шатающихся стен, рушащихся балок и людей с перекошенными лицами. Особенно умело она откапывала детей. Сколько она перетаскала раненых, ушибленных, искалеченных, эта хрупкая девушка с большими, слегка удивленными глазами, скольких успокоила, одобрила, даже

¹ „Правда“, 12. III. 1942 г., № 71.

рассмешила своими острыми словечками, сказанными кстати!¹. Число спасенных Полей,—этой девушкой с худенькими плечами,—людей уже доходило до ста.

Вот мать, героиня рассказа „Мать“¹, такая маленькая, усталая женщина, которая прошла целые километры по территории, где наши были почти в окружении, для того, чтобы проверить, что ее сын Боря, студент-доброволец, умеет воевать, в состоянии пойти в бой. „Я проверила. Мой сын сражается, как все. Больше мне ничего не надо“,—сказала она и вернулась домой. Она и не помышляет о героизме, она довольствуется тем, что ее сын сражается, как все. Это и есть героизм!

В Ленинградских рассказах Тихонов дал прекрасные портреты стариков. Вот старый военный, герой рассказа „Старый военный“². Он всем сердцем переживал битву, шедшую вокруг Ленинграда. Но его угнетало отступление наших войск. Он слабел, терял свои последние силы. Даже ложку ему трудно было уже держать. Его кормила дочь. Но в один прекрасный день из его комнаты послышалось пение. Когда дочь открыла дверь, „она увидела, что ее древний, больной отец пилит какую-то доску и поет. Да, это пел он. Он пел и глаза его сияли; и хотя на его худых широких плечах было накинуто старое, рваное пальто, он был величественен, как патриарх“.

Старик слышал по радио, что немцев разбили под Москвой. В хилом теле затрепетал великий дух любви к родине—и возродилось, восторженно запело оно!

Не менее характерен другой образ старика, героя рассказа „Встреча“³. Он старый преподаватель древней истории, у него исхудалое лицо, он еле держится на ногах. Но этот тщедушный, тонкий, почти призрачный старец обладает беспредельной душой. Он верит в свой Ленинград, он убежден в том, что родной его город не только сравнялся с Троей, но и превысил его своим героизмом.

—В нашей Трое никогда не быть троянскому коню!—Эти слова как бы выпрямляют стан старика; он больше не нуждается в чужой поддержке.

Прекрасен рассказ Тихонова „Яблоня“⁴ о духовном возрождении художника, которого вот-вот уже преодолело недоедание, бомбежка, тьма. Изумителен рассказ „Люди на плоту“⁵ о фотографе, простом, обыкновенном советском фотографе, который, будучи выброшен в пучину волн после бомбежки парохода, погибая, в хаосе смерти и пулеметного огня, погружаясь в воду, находит в себе силу, великую нравственную силу сделать замечание людям на плоту, которые не успокаивали женщину, кричавшую громко и пронзительно, с ис-

¹ „Правда“, 18. III. 1942 г., № 67.

² „Правда“, 12. III. 1942 г., № 71.

³ „Правда“, 15. III. 1942 г., № 74.

⁴ „Правда“, 26. III. 1942 г., № 79.

⁵ „Правда“, 6. III. 1942 г., № 65.

царапанными щеками и растрепанными волосами. Вот вам рыцарство, советское рыцарство, предельно-мыслимое проявление гуманизма!

7.

Жадность к человеку, нахождение человека—вот чем замечательны рассказы Тихонова, вот чем переполнены страницы „Правды“. А разве это не исконная традиция русской литературы? Ведь искал же Толстой в русском крестьянине, в безземельном, сгорбленном от неимоверных тягот жизни крестьянине человека, и нашел же он в нем великую ненависть к эксплуататорскому обществу? Искал же Горький в бывших людях, в заброшенных за борт жизни людях, человека, и нашел же он в них подлинную человечность и искренний порыв? Русская литература безмерно расширила познание богатств человеческой души, художественное слово отечественной войны продолжает углублять это познание, находить в человеке, в его душе все новые и новые горизонты, доселе никому неизвестные.

Отечественная война призвала не только к максимальной эксплуатации недр земли, но и к выявлению безграничных богатств души советского человека. И в то время как волей советского человека земля раскрывает двери своей сокровищницы и выбрасывает оттуда железо и нефть, уголь и платину, советский человек, в свою очередь, также открывает свою душу до глубин, до дна,—и мы видим безграничные залежи любви, подвига, человечности. Отечественная война привела к действию все дремлющие силы души,—и все то, что было под спудом, все это ныне на солнечном свете переливается всеми цветами радуги; все то, что было скрыто под нивелирующими покрывалами быта, все это вылилось ныне в величайшее напряжение воли и интеллекта, в незнающее границ милосердие, в незнающий прецедента героизм.

Советский героизм—предел, грань человечески-возможного. Отвага суворовского солдата сочетается в нем с бесстрашием и готовностью на мученичество народовольца. Босая, измученная, посиневшая, распухшая, истерзанная гитлеровскими палачами Александра Мартыновна Дрейман крикнула в предсмертный час: „Матери, родные, слышите ли вы меня? Я смерть принимаю из рук зверей; сына своего не пощадила, но правды своей не выдала. Слышите ли меня, матери?“¹. Комсомолка Таня, Зоя Космодемьянская, когда палач подтянул веревку и петля сдавила ей горло, обеими руками раздвинула петлю, приподнялась на носках и крикнула, напрягая все силы: „Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придет!“.. Таня—подлинная внучка Софии Перовской, а палач, задушивший ее,—потомок царского охранника.

Перепившиеся фашисты окружили виселицу Тани, стащили с повешенной одежду и гнусно надругались над ее телом. Они ее тер-

¹ О. Курганов—„Мать“, „Правда“, 7. II. 1942 г., № 38.

зали и после смерти. „Таню похоронили без почестей, за деревней, под плакучей березой, и вьюга завейла могильный холмик. А вскоре пришли те, для кого Таня в темные декабрьские ночи грудью пробивала дорогу на Запад. Остановившись для привала, бойцы придут сюда, чтобы до земли поклониться ее праху и сказать ей душевное русское спасибо. И отцу с матерью, породившим на свет и вырастившим героиню; и учителям, воспитавшим ее; и товарищам, закалившим ее дух. И немеркнущая слава разнесется о ней по всей советской земле, и миллионы людей будут с любовью думать о далекой заснеженной могилке, а Сталин мысленно придет к надгробью своей верной дочери“¹.

Приведенная выдержка принадлежит П. Лидову. Это—как и описание О. Курганова мученической смерти Дрейман и многие другие очерки других авторов—начало нового жанра в советской литературе, мартиролога, но это и начало эпопеи. Советский мартиролог может быть только эпопеей! Ненавистью измученной души, призывом к мести за причиненные страдания пылает в наши дни творчество Ванды Василевской. Кровь за кровь! Смерть за смерть!—вот тот клич, которым всецело охвачено это творчество.

Советский героизм не только готов на мученичество, не только презирает смерть, но и преодолевает ее. Об этом повествует В. Кетлинская в рассказе „Воля“.² Летчик Алиев получил семнадцать ранений, из коих три смертельных, и все-таки он прилетел на аэродром, спланировал к тому месту, где надо садиться, и посадил самолет на три точки, как надо. Врач, осмотревший тело летчика, заявил, что он ничего не понимает, что Алиев не мог лететь. И все-таки он прилетел, он летел и в смерти, смерть оказалась слабее воли советского летчика, слабее его понимания долга, обязанности его довести самолет до своего аэродрома, не потерять его. Воля Алиева функционировала и тогда, когда сердце перестало стучать, воля пережила его самого. Это ли не грань человечески-возможного напряжения?

Кто не знает замечательного рассказа Леонида Соболева „Невеста“?³ Сколько лиризма в этом рассказе, нежности, теплоты, какая бархатная душа у героини рассказа, Фени! Какое высокое понимание жизни, какое величие души, какая жертвенность! Русская женщина, ищущая высоких идеалов жизни и дающая их,—всегда была любимым героем русской литературы. Отечественная война показала, сколь значительна она, сколь громадна ее общественная роль. Леонид Соболев как бы испил из всего того, что дали нам и дают жизнь и литература,—и очертил замечательный образ женщины. Какими словами охарактеризовать поступок Фени? Гуманизм, человеколюбие? Но это же переходит всякие возможные границы гуманизма, человеколюбия!

¹ П. Лидов—„Таня“, „Правда“, 27, I. 1942 г., № 27.

² „Правда“, 8. XII. 1941 г., № 340.

³ „Правда“, 7. II. 1942 г., № 32.

Отечественная война вызвала к жизни все творческие силы советского человека. Отечественная война показала, на какие великие дела и подвиги способен советский человек. Художественное слово отразило эти замечательные качества советского человека, оно показало, что чем сильнее презрение к смерти, тем сильнее любовь к жизни, чем глубже ненависть к врагу, тем глубже любовь к человеку. Продолжая великие традиции русской литературы, художественное слово наших дней, дней Отечественной войны, показало, что, осуществляя в огне сражений великий лозунг товарища Сталина: „Смерть немецким оккупантам“!—народы Советского Союза одновременно куют основы нового этапа своей культуры, намечают вехи нового периода развития советской литературы. „Это будет огромный и блистательный период нового советского ренессанса, эпоха высокого гуманизма“¹.

¹ А. Толстой—„Николай Тихонов“, „Правда“, 21.IV. 1942 г., № 111.